

Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.)

© 2013

Г. Романова

В статье анализируется экономическая деятельность китайских мигрантов на Дальнем Востоке России в сфере предпринимательства, земледелия и промыслов в конце XIX — начале XX вв. Приводятся количественные параметры и дается различная им оценка в зависимости от их роли в хозяйственном освоении региона. Отмечается взаимовлияние материальных культур россиян и китайцев. Прослеживается политика дальневосточной администрации по регулированию экономических процессов сопредельных территорий России и Китая. Вводятся в научный оборот новые архивные материалы, работы китайских историков.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северо-Восточный Китай, мигранты, экономическая деятельность, политика Приамурских генерал-губернаторов, национальный интерес.

В 80-е годы XX в. были восстановлены приграничные экономические отношения Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в результате проведения реформ и либерализации внешнеэкономических связей двух стран. В настоящее время происходит расширение различных форм экономического сотрудничества приграничных регионов. Для более эффективного их осуществления необходимо обобщение имеющегося опыта. Исследование проблем предпринимательства, земледелия и промыслов китайских мигрантов в Дальневосточном регионе актуально для изучения истории и экономики сопредельных территорий, взаимодействия населения в экономической сфере, а также в целом для анализа международных экономических отношений в АТР.

В статье проанализированы отечественные источники и литература дооктябрьского периода, а также литература с конца 80-х годов, когда вновь тема китайских мигрантов на Дальнем Востоке России стала объектом научного исследования. Особо хочется отметить работы Ф.В. Соловьева, который первым в советской историографии поднял и всесторонне проанализировал проблему китайского отходничества на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма. С его именем связано возрождение китаеведения в академической системе Дальнего Востока, в декабре 2013 г. отмечается 100-летний юбилей со дня рождения. Эта статья является в определенной степени продолжением с учетом новых фактических данных и статистики того научного направления, которому посвятил свою творческую деятельность известный китаевед Ф.В. Соловьев.

Значительный вклад в отечественную историографию внесли труды А.Г. Ларина, который рассмотрел экономические и политические аспекты китайских мигрантов на

Дальнем Востоке России в историческом плане и на современном этапе, ввел в научный оборот большое количество материалов центральных государственных архивов. Заслуживает внимания работа Т.Н.Сорокиной, в которой исследуется хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке и политика администрации Приамурского края на рубеже XIX–XX в. А.П. Алепко в целом анализируя проблему зарубежного капитала и предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XVIII–1917 г., рассматривает также экономическую деятельность китайских мигрантов в регионе. Объективные статистические данные по китайскому предпринимательству содержатся в работах Л.И. Галлямовой и Т.З. Позняк, посвященных истории Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. Большим количеством архивного материала в целом по китайцам в России в 1856–1917 гг. отличается работа А.И. Петрова. Экономические аспекты дооктябрьского периода содержатся в книге под редакцией А.С. Ващук об этнических процессах в Приморье в начале XX в., а также в первой главе книги О.В. Залесской о китайских мигрантах на Дальнем Востоке в 1917–1938 гг. Непосредственно проблемам регулирования внешней миграции в регионе посвящены работы Е.И. Нестеровой, А.В. Друзяка, правонарушениям на Дальнем Востоке — В.В. Синиченко и др.

Каждый из авторов касался определенных направлений, вместе с тем важно было создать целостную картину проблемы предпринимательства, земледелия и промыслов китайских мигрантов на Дальнем Востоке России путем обобщения ключевых моментов и введением в научный оборот новых материалов центральных и дальневосточных архивов; желательно было выяснить, насколько изменились оценки экономической деятельности китайских мигрантов в отечественной историографии. Практический интерес представляло выявление мероприятий Приамурского генерал-губернаторства по регулированию экономических взаимоотношений сопредельных территорий и обеспечению национальной безопасности страны. В международных экономических отношениях каждая страна поддерживает те направления сотрудничества, которые способствуют модернизации региона. В то же время проводит ограничительную и протекционистскую политику по отношению к тем сферам взаимодействия, которые ведут к материальному ущербу, значительной экономической зависимости. Поэтому в миграционной политике необходимо проанализировать целесообразность тех или иных видов экономической деятельности, которые объективно обуславливают экономическое развитие

территории. Заслуживает внимания китайская историография, в связи с этим рассматривается работа ученого КНР Чжан Цзунхяя, который один из первых стал исследовать проблему истории и современного состояния китайских мигрантов в Дальневосточном регионе. Частичные сведения по данному вопросу имеются в книге китайского историка Инь Цзяньпина.

В Южно-Уссурийском крае китайское частное предпринимательство начало развиваться в 70-х годах XIX в. одновременно с развитием торговли. Китайские предприятия создавались для бытового обслуживания населения и производства товаров на рынок. Большинство частных предприятий находилось в крупных городах. По данным 1881 г., во Владивостоке китайцы владели тремя столярными, двумя кузнечными, пятью портняжными мастерскими, двумя булочными. Наладилось производство так называемого «манзовского» пива. В 1895 г. в Приморской области действовало семь подобных заводов: пять — во Владивостоке, один — в Хабаровске и один в с. Никольском, принадлежавшем русскому купцу. На них было произведено 20 тыс. ведер пива на сумму 160 тыс. руб. В 1896 г. из 13 предприятий в Приморской и Амурской областях четыре (30,8%) принадлежали россиянам, три — европейским предпринимателям и шесть — китайским¹.

Согласно статистическим данным 1904 г., в Приморской области было зарегистрировано 558 различных предприятий, 84 из которых принадлежало китайским подданным, т. е. удельный вес китайский предприятий составлял 15,2%. 94,1% принадле-

жавших китайцам заведений функционировало в городах и только 5 (5,9%) из них располагалось вне города. Главным центром китайской деловой активности являлся Владивосток, где действовало 53 китайских предприятия (или 63,2% зарегистрированных китайских заведений); в Никольске-Уссурийском функционировало 19 предприятия (22,7%) в Хабаровске — 7 (8,2%). Во Владивостоке удельный вес заведений, находившихся в руках китайских подданных, составлял 18%, Никольске-Уссурийском — 22,6%, Хабаровске — 10,4%, вне городов — 4,3%. Китайская диаспора занимала в ремесленно-промышленном секторе экономики третью позицию, уступая российским (60%) и японским (19%) подданным.

Оценивая роль китайского бизнеса в отдельных сферах производства, можно отметить, что по числу предприятий позиции китайских подданных были наиболее сильными в таких отраслях, как швейная (61%), кузнечное дело (30%), пошив китайской обуви (100%), пивоварение (41,6%), в хлебопекарной и кондитерской сфере 36,6%), в кожевенной (50%), меховой (100%), известковой (100%), гончарной (100%), в приготвлении красок (50%) и уксуса (100%). О размерах китайских предприятий и объеме их производства свидетельствуют следующие данные. В 1904 г. это были мелкие мастерские с небольшим числом наемных рабочих: 53 (63,1%) предприятий имели от 1 до 5 рабочих, 19 (22,6%) нанимали от 6 до 10 чел., 6 (7,1%), от 11 до 20, 3 (3,6%) — от 20 до 50, более 50 рабочих было занято всего на 2 (2,4%) предприятиях, более 100 чел. — на 1 (1,2%)². По существу, это было мелкое предпринимательство. Нанимались на работу соотечественники (98–100% используемой рабочей силы), которые трудились преимущественно в портняжных и кузнечных мастерских³.

В начале XX в. китайцам и японцам принадлежало около 85,5% ремесленно-промышленных заведений, 95% прислуги приходилось на долю китайцев и 90% городской мелочной торговли находилось в руках китайцев. В 1910 г. в Амурской области было 67 китайских предприятий с оборотным капиталом 2,6 млн руб., в Приморской области — 1078 с оборотным капиталом 3,6 млн руб. В то же время в крае действовало 1144 предприятия русских и европейских предпринимателей с оборотным капиталом 25 млн руб. Китайские предприятия были мелкими: на одного китайского промышленника приходилось 3,2 тыс. руб. оборотного капитала, на русского — 21,8 тыс. руб. В целом на рубеже XIX–XX вв. китайское предпринимательство на российском Дальнем Востоке развивалось довольно оживленно, занимая видные позиции в целом ряде отраслей экономики. Китайские предприятия играли большую роль в обеспечении населения края товарами первой необходимости, в значительной степени удовлетворяя его бытовые нужды. По этой причине местная администрация допускала существование китайских предпринимателей вопреки интересам русских заводчиков⁴.

Кроме торговых заведений, в Хабаровске китайский предприниматель Н.И. Тифонтай построил кирпичный завод (1879), паровую мельницу (1899). В 1899 г. начал разработку месторождений бурого угля недалеко от Хабаровска, выполнял казенные подряды на строительстве Уссурийской железной дороги. В 1901 г. совместно со своими компаньонами — китайским подданным В.Н. Ехоалиным и тремя китайскими вкладчиками он создал торговый дом "Тифонтай и К°" с основным капиталом в 200 тыс. руб. Введение таможенного обложения и русско-японская война 1904–1905 гг. мало отразились на деятельности торгового дома, основной капитал которого к 1907 г. превысил 1,2 млн руб. В 1908 г. по высочайше утвержденному Положению Совета министров Н.И.Тифонтай получил от казны 0,5 млн руб. за понесенные убытки во время войны (занимался поставками продовольствия для русской армии в Маньчжурии). Росло недвижимое имущество предприятия. Фирма "Тифонтай и К°" имела пивоваренный, лесопильный, известковый заводы, механические мастерские, макаронную фабрику, хлебный склад, мастерскую по выделке мехов, стекольный завод. Были открыты торговые отделения во Владивостоке и Харбине. По данным уполномоченного Амурской экспедиции

А.Н.Митинского, паровая мельница Н.И.Тифонтая переработала в 1906–1909 гг. 609 тыс. пудов зерна. Одновременно широкая деятельность развернулась и в Северном Китае. Н.И. Тифонтай занялся разработкой Фушуньских угольных копей в Южной Маньчжурии, которые позже вместе с компаньоном были проданы Безобразову, (компенсацию за сделанные вложения составила 50 тыс. руб.). Значительный капитал Н.И. Тифонтай накопил в период строительства КВЖД⁵.

Особое место принадлежало ханшинному производству. Китайская водка (шаоцзю), называемая русским «ханшином» особенно была распространена в Южно-Уссурийском крае. В 1887 г. там действовало 143 ханшинных завода (шаогодянь), в 1906 г. — уже 204, прежде всего в Суйфунском и Сучанском районах и около устья реки Иман. В 1887 г. производилось 75,8 тыс. л. ханшина, в 1906–1907 гг. — 107,1 тыс. л. Уже с 1879 г. изготовлялось по 16 бутылок китайской водки на душу населения региона в год. Бутылка ханшина стоила от 15 до 25 коп. при крепости 50–60 градусов. Широкое распространение ханшина на российском Дальнем Востоке отрицательно влияло на развитие отечественного винокуренного производства. Государство и русские промышленники теряли важные статьи дохода. В 1907 г. власти пошли на крайние меры вплоть до разрушения ханшинных заводов и конфискации запасов китайской водки в магазинах. Поля, засеваемые гаоляном, чумизой, овсом и пшеницей для производства ханшина, отбирались у китайцев и отдавались под пашни крестьянам. Но ханшинное производство было перенесено на китайскую территорию. Оттуда в соответствии с Санкт-Петербургским договором 1881 г. между Россией и Китаем ханшин стали беспощинно ввозить на территорию российского Дальнего Востока⁶.

В 1903 г. бывший Приамурский генерал-губернатор Д.И. Суботич обратился в Министерство финансов с документом, в котором сообщил, что укоренившееся издавна в Восточной Сибири потребление как инородцами, так и русским населением ханшина, достигло значительных размеров; напиток этот признавался весьма вредным для здоровья и требовалось его изъятие. Д.И. Суботич считал необходимым, согласно предположениям управляющего акцизными сборами Амурской и Приморской областей, установить нижеследующие более строгие взыскания для преследования лиц, занимавшихся ханшинным промыслом. 1) Лица, избобличенные: а) в занятии ханшинным промыслом, т.е. в водворении в пределы Империи, хранении, провозе и продаже ханшина и других изготовляемых из хлебных припасов крепких напитков, а равно б) в производстве на русской территории сулекурения, в устройстве заводов для этой цели — подвергаются денежному взысканию от 300 до 500 руб. и заключению в тюрьму на время от 6 до 12 месяцев; причем те из них, которые не принадлежат к русскому подданству, по отбытии наказания высылаются за границу с воспрещением навсегда вступать в пределы России. 2) Найденные крепкие напитки подвергаются немедленному уничтожению. 3) Принадлежавшие виновным лошади, телеги, упряжь и другие предметы, служившие для перевозки упомянутых напитков, конфискуются⁷.

Для постоянно живших в Уссурийском крае китайцев главным занятием было сельское хозяйство. Кроме посевов пшеницы и других сельскохозяйственных культур, они выращивали коров, лошадей, овец, свиней и других домашних животных, также ловили соболей, собирали морскую капусту, трепангов, занимались торговлей. Эти китайцы «жили свободной жизнью», абсолютно не соприкасаясь и не ассимилируя с русскими, управлялись своей властью⁸.

По данным переписи 1897 г., земледелием занималось примерно 33% китайского населения в Амурской области и 11,5% — в Приморской. Это были оседло проживавшие китайские подданные, чье особое положение обуславливалось трактатами с Китаем, т.е. «зайские маньчжуры» Амурской области и так называемые «фанзовладельцы» Приморской области, а также долгосрочные арендаторы крестьянских и казачьих земель⁹. В Амурской области земледельцами являлись около 10,6 тыс. цинских подданных, имев-

ших постоянное место жительства. На юге Приморской области насчитывалось всего девять дворов китайских земледельцев, хозяйств, основанных после 1860 г., которые в нарушение закона арендовали землю у русских казаков и крестьян¹⁰.

На севере Имана в 1907 г. было до 600 китайских хозяйств и до 1000 чел. китайского земледельческого населения. Частично китайцев выселяли, но большей частью они стали брать обрабатываемые ими же земли в аренду¹¹. С 80-х годов XIX в. в связи с увеличением числа крестьян-переселенцев из европейской части России власти начали выселять китайских крестьян с занятых ими земель. Выселение продолжалось до 1906–1907 гг. Законность его не вызывала сомнений, поскольку китайские земледельцы действовали самовольно, без санкции российской администрации¹². Что касается китайцев-собственников земельных участков и другой недвижимости, то таких было крайне мало, так как с 1892 г. была запрещена покупка иностранцами недвижимой собственности. Согласно российской статистики, к северу от р.Амур и к востоку от р.Уссури насчитывалось всего 12 китайцев-собственников¹³.

Вблизи крупных городов Владивостока и Никольска (Уссурийского) китайские земледельцы занимались огородничеством, выращивали капусту, картофель, помидоры, огурцы, лук, чеснок и т.д., сбывая продукцию русскому населению. На Русском острове под Владивостоком насчитывалось 44 огородные фанзы, где работали около 240 китайцев, поставлявших свежие овощи на рынки города. В целом в Южно-Уссурийском крае на 25–26 русских жителей приходился один китайский огородник, что свидетельствовало о важной роли китайских земледельцев в обеспечении населения края овощами. Помимо повсеместной торговли овощами покупатель мог заказать их к определенному сроку и брать в кредит¹⁴.

Как подчеркивал известный исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев, в начале XX в. казаки и почти все крестьяне сами не обрабатывали земли, а отдавали их в аренду китайцам на правах половинщиков. Обыкновенно сам хозяин-русский отпраивался куда-нибудь на заработки, предоставляя китайцу распоряжаться землей по своему усмотрению. Арендатор тотчас же строил фанзы, выписывал из Китая своих родственников, приглашал помощников, нанимал рабочих и начинал хозяйничать. Изложенное было бы не так серьезно, если бы хозяином положения оставался русский, а китаец был бы у него простым работником. Но наблюдения показывали иное: китаец — хозяин на земле, а русский владел ею только номинально¹⁵.

В начале XX в. в Приморской области из всех сдаваемых в аренду земель только 17,4% находилось у русских земледельцев, остальные земли арендовались китайцами и корейцами, причем 54,9% земли арендовали корейцы и только 27,7% — китайцы. Как правило, у китайцев были большие земли, они сдавали их более мелким арендаторам, а корейцы обрабатывали сами. В деятельности приамурской администрации по ограничению китайской аренды и труда китайских сельскохозяйственных рабочих столкнулись интересы «русской государственности» и личные интересы различных категорий земледельцев в крае. Верх одержали интересы «русской государственности». Наибольших ограничительных мероприятий достигли в отношении казенных земель, а в казачьих и крестьянских хозяйствах и в годы Первой мировой войны продолжал широко применяться труд китайских сельскохозяйственных рабочих и земли по-прежнему сдавались в аренду китайцам¹⁶.

В условиях Дальнего Востока китайские приемы земледелия оказывались более продуктивными, поэтому, несмотря на то, что ряд чиновников и агрономов считали китайскую аренду в целом явлением отрицательным и требующим ограничительных мер, аренда была широко распространена. От китайцев русские узнали о грядковом земледелии. Китайцы с приходом русских начали пользоваться плугом¹⁷. Специалисты неоднократно отмечали «полезность введения в русское хозяйство китайской культуры», однако российские крестьяне—переселенцы осваивали процесс очень медленно. Это объясня-

лось рядом причин: во-первых, особой трудоемкостью китайской агротехники; во-вторых, покровительственной политикой правительства, стремившегося помочь переселенцам с помощью завышенных цен на зерно и субсидий; в-третьих, консерватизмом самих переселенцев, логично проистекавшим из первых двух причин, а также из высокомерного отношения к «желтым»¹⁸.

Другим направлением китайского земледелия на российском Дальнем Востоке было промышленно-сырьевое. Китайские земледельцы выращивали зерновые культуры: пшеницу, ячмень, гаолян, чумизу, кукурузу и мак для производства ханшина и опиума. Они арендовали землю у русских казаков и крестьян по сравнительно высокой цене. В российском законодательстве не было статьи, запрещающей производство опиума, существовали лишь инструкции и распоряжения, ограничивавшие ввоз и вывоз опиума из страны; продажа его разрешалась лишь в аптеках по рецептам врачей. В Уссурийском крае опиум появился в 70-х годах XIX в. прежде всего в Ханкайском и Уссурийском районах, затем по реке Сучан и в верховьях Усури, производстве его с каждым годом увеличивалось. В 1897 г. из Приморской области в Китай вывезли 200 пудов опиума. Большинство опиумных и винокуренных предприятий находились вдали от русских поселений. Здесь китайцы самовольно захватывали лучшие участки плодородной земли и без уплаты налогов русским властям занимались производством и торговлей опиумом и ханшином. В Уссурийском крае постоянно могло находиться около 20 тыс. китайцев, занимавшихся земледелием¹⁹.

Парусный морской каботаж был весьма распространенным видом деятельности китайцев на российском Дальнем Востоке. Китайский каботаж в Уссурийском крае особенно развивался в заливе Петра Великого (в районе Посъет и зал. Америка). Китайские судовладельцы занимались перевозкой грузов между портами Приморской области. Китайский парусный каботажный флот в Приморье начал развиваться в 60–70-х годах XIX в. Главным пунктом его базирования были гавани в заливе бухты Ольги, куда ежегодно с наступлением весны приходили из Северо-Восточного Китая целые флотилии китайских шаланд и парусных судов грузоподъемностью до 10 т. В порту под названием «Кошка» скапливалось до 500–800 китайских джонок, выкрашенных в черный цвет. Китайцы привозили традиционные товары: масло бобовое (растительное), ханшин, табак, чай, соль, шелк и другие, которые выменивали на морепродукты (морскую капусту, трепанги, морские гребешки, крабы), а также женьшень, меха и другие предметы промысла китайских мигрантов и аборигенов населения Приамурья. Некоторые суда увозили закупленные предметы приморского промысла в Китай, другие оставались на лето в Приморье для каботажных работ. В конце 70-х годов XIX в. после перенесения торгового порта из Николаевска во Владивосток и особенно с вводом в эксплуатацию Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорог при помощи государства стал создаваться русский каботажный флот. Так как в течение длительного времени он не мог обеспечивать прибрежные перевозки, широко использовались иностранные, в том числе китайские каботажные суда²⁰. В 1902 г. только потребности Владивостокского порта обслуживали 300 китайских шаланд и 750 шампунок²¹.

По существовавшему закону в России каботажное плавание разрешалось только русским судам. Однако в 1888 г. царское правительство, учитывая особое положение Приморской области, предоставило военному губернатору право самому давать разрешение иностранным судовладельцам на каботажные рейсы до создания русского каботажного флота. В 1909 г. последовало указание разрешать иностранным судам каботажные рейсы только в исключительных случаях, в 1910 г. Государственная дума подтвердила запрещение. По данным управления Владивостокского торгового порта, в 1899 г. работало 8 русских и 9 иностранных судов, в 1909 г. — 13 русских судов и 9 иностранных. В 1909 г. русские каботажные суда совершили 207 рейсов, иностранные — 23. Большинство китайских парусных судов занималось прибрежными перевозками без всяких раз-

решений и даже без уплаты пошлины²². В 1913 г. был совершенно запрещен китайский труд в парусом каботаже, обусловленный борьбой с «желтым трудом» во всех отраслях хозяйства Дальнего Востока России²³.

В период Первой мировой войны, когда российский речной транспорт на Амуре оказался в сложных условиях, активизировалось китайское судоходство. Уже в 1915 г. китайское предприятие Гуаньсинь гунсы организовало рейсы грузового колесного парохода. С марта 1916 г. китайские предприниматели приобрели за бесценок 25 русских пароходов. В связи с этим российское правительство приняло закон, согласно которого продажа и сдача в аренду русских речных пароходов китайцам допускалась лишь с «особого разрешения министра путей сообщения, даваемого им по предварительному соглашению с морским министром и министром иностранных дел»²⁴.

Китайские мигранты активно занимались извозом. Русское население обращалось с ходатайствами о воспреещении китайским и корейским подданным заниматься извозом, так как они составляли серьезную конкуренцию. В 1912 г. по распоряжению Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти были изданы особые правила для извоза, которые устанавливали определенные ограничения для иностранцев в занятии извозом, но они были недостаточными. На основании существовавших договоров России с Китаем (1860 г, 1881 г.) китайские подданные не пользовались правом наибольшего благоприятствования. Российские меры по стеснению китайского населения вызывали протесты в Китае. Китайское правительство с большой настойчивостью стремилось получить от России это право, прибегая к репрессиям против русских подданных в Китае²⁵.

На протяжении полутора десятков лет китайские отходники вели промыслы золота на о-ве Аскольд. Ежегодно сюда прибывало до 1 тыс. чел. золотоискателей. Старатели хорошо финансировались крупными китайскими предпринимателями. В 1867–1868 гг. администрация Приморской области приняла меры к запрещению промыслов китайцев на острове. Однако в апреле 1868 г. китайские старатели оказали вооруженное сопротивление военному судну «Алеут», которое было послано на прекращение несанкционированных китайских промыслов²⁶. В Амурской области широко была распространена практика сдачи золотоносных площадей в аренду китайским предпринимателям²⁷.

Значительное количество китайцев промышляло в тайге охотой, сбором женьшеня и других лекарственных трав. В Уссурийском крае главными организаторами добычи пушного зверя, прежде всего соболя, были крупные китайские фирмы, которые нанимали охотников из числа китайцев и коренного местного населения. Богатые китайские купцы Чжан Цза, Ян Халин, Чу Ганфа и другие постоянно проживали в Нингуте и вели торговлю с крупными фирмами Шанхая, Тяньцзиня и других городов Китая. Они имели промысловые фанзы в Южно-Уссурийском крае в долине р. Цимухе (Шкотовки). Китайские купцы, нанимая промысловиков у себя на родине, отправляли их поодиночке или партиями во главе со своими агентами — цайдунами на промысел в Уссурийский край. Китайские мигранты, завербовавшись на промысел, попадали, как правило, в долговую кабалу к своим хозяевам и долгие годы работали на них, получая мизерную плату за свой изнурительный труд. Крупными содержателями пушного промысла являлись торговые фирмы во Владивостоке, Никольск-Уссурийске и Хабаровске. В начале XX в. в Уссурийской тайге ежегодно промышляли до 50 тыс. китайцев, в сезон добывалось 100–150 тыс. соболей.

В Уссурийском крае и на Амуре одним из распространенных китайских промыслов была охота на диких животных (оленя, изюбра, кабаргу). Важнейшим промыслом охоты был пантовый. Хорошие панты по лечебным свойствам не уступали женьшеню и имели большой спрос. Помимо важного вида китайского промысла — охоты на пушного зверя, китайцы охотились также на белку, енота, барсука, медведя, тигра, выдру и других диких животных. Учитывая, что в конце XIX в. соболь стоил 40 руб., белка — 50 коп. за штуку, кабарга 4 руб. за голову, общий доход охотника составлял до 2 тыс. руб. за сезон.

Китайский промысел был нелегальным. Охота велась варварским способом при помощи лудев и ям, наносившем огромный ущерб животному миру региона²⁸.

Прибыльным промыслом, которым наиболее часто занимались иностранцы, прежде всего китайцы, были лесозаготовительные работы. Строевой и корабельный лес вывозился в китайский город Хуньчунь. Китайцы вытесняли российских лесоторговцев с рынка, но сами, ссылаясь на льготы, зафиксированные Пекинским договором 1860 г. (они предоставлялись только тем китайцам, кто поселился до 1860 г.) не желали платить налоги²⁹.

После утверждения 21 июня 1910 г. «Закона об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоявших в иностранном подданстве», русские власти усилили борьбу с китайской нелегальной деятельностью в Уссурийском крае. Были образованы новые лесничества, усилена лесная стража, стали проводиться частые проверки китайского населения, безбилетная регулярно высылали за границу. По свидетельству В.К. Арсеньева, эта борьба дала определенные результаты: многие китайские земледельцы оставили свои заимки и отправились на родину. Зверовщики также стали оставлять свои фанзы в тайге и уходили за границу³⁰.

Добыча женьшеня в Уссурийском крае являлась одним из наиболее распространенных видов промысла. Ежегодно из Северо-Восточного Китая в Уссурийский край приезжало до 800–1000 китайцев для сбора женьшеня³¹. В Китае, как и во всех странах Восточной Азии, женьшень издавна известен в качестве исцеляющего средства. В 90-х годах XIX в. в Уссурийском крае добывалось около 50 пудов женьшеня на сумму 550 тыс. руб. В начале XX столетия поиском женьшеня занималось уже около 30 тыс. китайцев. Они добывали около 4 тыс. корней. Один фунт женьшеня стоил 250–270 руб. Добыча женьшеня китайцами велась хищническим способом, что вело к его резкому истощению в регионе. Среди китайских таежных промысловиков были также искатели жемчуга. Местами его добычи были реки Бикин, Иман, Ваку, Нотто, Дау-бихэ и др. В течение летнего сезона один ныряльщик мог добыть до 120 жемчужин. Среднее зерно речного жемчуга оценивалось от 30 до 50 руб., а крупное — от 150 до 200 руб. В XIX в. в Приморье китайцы добывали до 5 тыс. жемчужин в год.

С 60-х годов XIX в. весьма распространенным занятием китайских мигрантов в Уссурийском крае являлся морской промысел — лов трепангов, морской капусты, морского гребешка и крабов. Район лова охватывал все побережье края от границы с Кореей на юге и до бухты Терней на северо-востоке. Лов трепангов, из которых готовились изысканные блюда китайской кухни, а также лекарственные препараты (китайцы называют трепангов морской женьшенем), велся в основном у побережья и закрытых бухтах залива Петра Великого. В 90-х годах XIX в. здесь ежегодно действовало более тысячи китайских джонок. За сутки экипаж джонок (2–3 ловца) вылавливал в среднем 120 трепангов (около 6 фунтов сухого продукта). Фунт сухих трепангов на рынке во Владивостоке стоил 70 коп., в Китае — 1 руб. 50 коп.

Китайские промысловики добывали морскую капусту на морском побережье Уссурийского края и на о-ве Сахалин. Добыча морской капусты в Уссурийском крае в 1874 г. составляла 138,3 тыс. пудов. В 1876–1885 гг. только из Владивостока в Китай вывозилось в среднем по 150 тыс. пудов морской капусты в год на сумму 113 тыс. руб. Всего из Уссурийского края и с Сахалина вывозилось в Китай до 500 тыс. пудов морской капусты в год, капуста могла сбываться в Шанхай³². Из Владивостока ежегодно вывозилось в Китай, главным образом в порт Нючжуан (Инкоу) около 420 тыс. пудов морской капусты на сумму более 106 тыс. руб.³³

Партии сборщиков морской капусты предварительно формировались крупными китайскими предпринимателями в городах Хуньчуне, Гирине, Саньсине, Нингуте. Там же представителями китайской администрации с промысловых артелей брался налог за

добычу морской капусты на российской территории. Численность промысловых артелей была в пределах от 20 до 100 чел. В бухте Экспедиция находились склады промысловых снастей и лодок. Вся добытая капуста вывозилась морским путем на китайские рынки. Стоимость одного пуда этого продукта в Китае составляла 1–1,4 руб. С каждого пуда добытой капусты китайцы платили в российскую казну 7 коп. К началу XX в. в результате истощения промыслов, добыча морской капусты китайцами на побережье Приморской области значительно сократилась, что вызвало повышение цен на нее в Китае до 12–15 руб. за пуд³⁴.

Торговля морской капустой была начата еще в 1865 г. первым жителем города Владивостока купцом Л. Семеновым. 21 января 1879 г. Владивостокская городская управа докладывала военному губернатору, что «вывоз морской капусты за границу составляет единственный источник материального благополучия в экономическом быте Владивостока. Управа просила, чтобы иностранные суда не вывозили ее за границу иначе, как из гавани Ольги, Владивостока и Посыета. Сбор за взвешивание морской капусты на общественных весах в этих местах должен идти в пользу городских сборов Владивостока»³⁵. В 1890-е гг. на ввозимую иностранцами морскую продукцию стали вводиться пошлины. С 1905 г. были запрещены для иностранных предпринимателей морские промыслы вблизи Владивостока, а в 1908 г. иностранцам (как хозяевам, так и рабочим) был полностью воспрещен морской промысел в зал. Петра Великого³⁶. В начале XX в. Владивостокское Китайское соляное бюро занималось регулированием транспортировки соли, добываемой в окрестностях Инкоу и переправлявшейся транзитом через Уссурийский край в Гиринскую и Хэйлуцзянскую провинции³⁷.

Согласно данным Канцелярии Приамурского генерал-губернаторства, в конце 90-х годов XIX в. выработывались и обсуждались меры по ограничению хозяйственной и торговой деятельности китайских мигрантов на Дальнем Востоке России. Среди этих мер можно упомянуть следующие: 1. Наложить пошлины на все товары, идущие транзитом через Уссурийский край в Китай; 2. Налог на всех проживающих в крае китайцев; 3. Стеснение китайцев в эксплуатации различных государственных имуществ: землю, лесом, рыбным, трепанговым, капустным, грибным промыслами, добычей золота и т.д. 4. Воздействие Русско-Китайского банка³⁸.

В 1912 г. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти решил принять к проживавшим в г. Владивостоке подданным меры, введенные в городе Хабаровске. Китайцы, жившие в самом городе, должны быть выселены за городскую черту. В городе имели право проживать китайские подданные, состоявшие в качестве приказчиков торговых домов I и II гильдии, а также промышленные учреждения 1, 2, 3 и 4 разрядов не более двух лиц на каждое заведение. Принятые меры являлись не нововведением, а лишь «исполнением Высочайшего повеления от 29 сентября 1902 г.», в силу которого во всех городах Приамурского края образуются особые кварталы для проживания тех иностранцев, антисанитарные условия жизни которых вызывают необходимость надлежащего за ними надзора. На основании этого в 1902–1903 гг. были образованы такие кварталы в Благовещенске, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре и Никольск-Уссурийском. Для китайцев и корейцев, не имевших постоянных торговых и промышленных предприятий в крае, зимой 1912 г. такой же квартал был образован во Владивостоке. Мера это была направлена на очищение торговой части города от бродячего элемента³⁹.

Проживала диаспора в центральной части города — знаменитой с исторической точки зрения «Миллионке» — кварталов, расположенных на берегу Амурского залива и граничивших с улицей Алеутской, где с конца XIX в. селились китайцы, прибывавшие на постоянное жительство и на временные, сезонные работы. Центром жизни диаспоры был район, прилегавший к ул. Семеновской. Здесь располагалось множество китайских учреждений, магазинов, мелких лавок, прачечных, ресторанчиков, парикмахерских, бань, мастерских, театров, были сосредоточены помещения многочисленных гадалыщи-

ков и разных специалистов, преимущественно по восточной медицине, более 150 дешевых харчевен, где питались и русские. В начале улицы размещался один из самых известных городских базаров, где шла торговля разными товарами, в том числе и контрабандными. Торговали свежей рыбой и морепродуктами, доставляемыми со стоявших в Семеновском ковше лодок и шаланд⁴⁰.

Согласно российским данным, в 1879 г. во Владивостоке проживало 1198 китайца, в 1884 г. — 3000 чел.⁴¹. По сведениям китайского генерального консула во Владивостоке, в 1910 г. в городе насчитывалось 50 тыс. китайцев, из которых 40 тыс. чернорабочие, не имевшие определенного местожительства и ютящихся на ночь у своих соотечественников⁴². В 1912 г. китайских подданных во Владивостоке, занимавшихся торговлей и промыслами, насчитывалось более 20 тыс. чел.⁴³

Как считал В.К.Арсеньев, «желтый вопрос» до тех пор не будет разрешен, пока все китайское население не будет разделено на четыре категории, т.е. дифференцированный подход: 1) китайские охотники и звероловы; 2) китайцы — арендаторы земель у русских крестьян; 3) китайские рабочие (кули) на заводах и в различных промышленных предприятиях; 4) китайские купцы в городах, селах и деревнях.

Первую категорию — китайских охотников и звероловов надо выселять из тайги как хищников и браконьеров независимо от их национальности. Вторая — китайцы-арендаторы земель у русских крестьян (заемщики). Этот вопрос очень серьезный и сложный. Здесь есть и положительная сторона, и отрицательная. Которая из этих сторон окажется преобладающей, зависит от того, кто интеллигентнее — китаец-заемщик или русский-земледелец. Если бы наш крестьянин был так же развит, как английский фермер, то китаец — арендатор находился бы у него в положении простого работника. К сожалению, у русских крестьян мы видим совсем другое. Арендатор-китаец сплошь и рядом культурнее и образованнее своего хозяина. С этой стороны русскому переселенцу грозит опасность. Сдача земли в аренду китайцам особенно широко практиковалась среди уссурийских казаков, что В.К.Арсеньев считал большим злом. У русских переселенцев и уссурийских казаков китайцы должны быть только как рабочие, а не как арендаторы. Арсеньевские предложения, предусматривавшие дифференцированный подход к китайцам, планомерность и системность мер, были учтены краевой администрацией⁴⁴.

В целом политика дальневосточной администрации по отношению к хозяйственной деятельности китайских мигрантов определялась ее характером и значимостью в развитии экономики региона. Наряду с мероприятиями охранительного порядка, запрещавшими различные нелегальные промыслы (вывоз леса за границу, браконьерские споры охоты, разработку золотосодержащих россыпей, производство и продажу ханшина и др.), местные власти предпринимали попытки обложения легальных видов промыслов особыми налогами и сборами (5 коп. золотом с каждого добытого пуда морской капусты, от 5 до 15 руб. с каждого каботажного судна и т.п.). 7 июля 1915 г. царем был утвержден Законопроект о мерах борьбы с развитием опиокурения на Дальнем Востоке. Одновременно приамурская администрация проводила политику ограничения легальных занятий, вплоть до полного запрещения (каботажа, запрещение «желтого труда» на казенных предприятиях и аренды казенной земли и др.)⁴⁵.

Подводя итог, можно констатировать, что предпринимательство, земледелие, промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России в конце XIX-начале XX в. можно оценивать в соответствии с той ролью, которую они сыграли в процессе его хозяйственного освоения. Мелкое предпринимательство, земледелие, огородничество в определенной степени восполняли недостаток в товарах и предметах первой необходимости, содействовали обслуживанию населения. В этой сфере происходило взаимовлияние материальных культур россиян и китайцев. Расхищение же природных ресурсов китайскими промысловиками, контрабанда, распространение ханшина и опиума наносили существенный финансовый ущерб региону, сдерживали отечественное производство, под-

рывали здоровье населения, замедляли заселение края. В зависимости от характера деятельности китайских мигрантов легальной или нелегальной проводилась политика дальневосточной администрации, нацеленной на защиту национальных интересов и в то же время соблюдения норм международного права, развитие экономических отношений сопредельных территорий России и Китая.

1. *Позняк Т.З.* Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 2004. С. 115, 136.
2. *Галлямова Л.И.* Китайское предпринимательство в Приморье на рубеже XIX — XX вв. (по данным анкетирования 1904 г.) // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток, 1999. С. 108–109.
3. *Позняк Т.З.* Указ. соч. С. 144.
4. *Романова Г.Н.* Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 95–96; *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 57.
5. *Алепо А.* Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX — начале XX вв. // Пробл. Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 140–141; *Нестерова Е.* Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // Диаспоры. 2003. № 2. С. 20–21; *Инь Цзяньпин.* Цзаоцидэ Сиболия дуйвай цзинци лянсьи [Ранние внешнеэкономические связи Сибири]. Харбин, 1998. С. 128.
6. *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 55–57; *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический. Хабаровск, 1914. С. 131–137; *Ларин А.Г.* Китайцы в России. М., 2000. С. 17; *Он же.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 26; *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Иркутск, 2003. С. 54–55, 86.
7. РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 69. Л. 123.
8. *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дицюй шицзичжи цзаодэ чжун-э гуаньсьи [Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке за вековой период]. Харбин, 2000. С. 91.
9. *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX в.). Омск, 1999. С. 49.
10. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 58–59.
11. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 593. Л. 17–18.
12. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 32.
13. *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дицюй шицзичжи... С. 113; *Граев В.В.* Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье: Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. 11. С. 45.
14. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 59.
15. *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 69–70.
16. *Сорокина Т.Н.* Указ. соч. С. 59, 162.
17. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 19, 27.
18. *Ларин А.Г.* Китайцы в России вчера и сегодня... С. 28; *Он же.* Китайские мигранты в России... С. 32.
19. *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 139 — 142; *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке... С. 59–60.
20. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 57–58; *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России: История и современность. М., 2009. С. 30–31.
21. *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток, 2000. С. 30.
22. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 58.
23. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1, Д. 593. Л. 16.
24. *Алепо А.В.* Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001. С. 303–304.

25. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 041. Л. 1, 8–9.
26. *Аленко А.В.* Указ. соч. С. 228.
27. *Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX вв.). Благовещенск, 2003. С. 85; *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке... С. 18.
28. *Романова Г.Н.* Экономическая деятельность китайцев на российском... С. 98–99; *Надаров И.* Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884. С. 24–26; *Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 39; *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке... С. 35.
29. *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке... С. 18.
30. *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток, 2004. С. 274; *Соловьев Ф.В.* Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток. 1973. С. 138.
31. *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дицюй шицзичжи... С. 91.
32. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 60–67; *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 18; *Матвеев Н.П.* Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 38, 50, 70, 79; *Сорокина Т.Н.* Указ. соч. С. 95.
33. *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М., 1987. С. 76.
34. *Аленко А.* Экономическая деятельность китайцев... С. 137; *Петров А.И.* История китайцев в России, 1856–1917 гг. СПб., 2003. С. 444–448; *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дицюй шицзичжи... С. 91.
35. *Матвеев Н.П.* Краткий исторический очерк... 70, 118–119.
36. *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России... С. 55–56.
37. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторстве. 1912–1916 гг. Оп. 579. Д. 108. Л. 22–24; Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 41. Л. 1–2.
38. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 430. Л. 34.
39. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 737. Л. 1, 2, 4; *Граве В.В.* Китайцы, корейцы, японцы... С. 24–127; *Сорокина Т.* Китайские кварталы дальневосточных городов (конец XIX–начало XX в.) // Диаспоры. М., 2001, № 2–3. С. 68; *Друзьяка А.В.* Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск, 2010. С. 47.
40. *Шелудько В.О., Буюков А.М., Черномаз В.А.* Органы внутренних дел Приморья 1860–1917 годы). Владивосток, 2004. С. 144, 209; *Петров А.И.* История китайцев в России... С. 125–126.
41. *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дицюй шицзичжи... С. 92.
42. *Граве В.В.* Китайцы, корейцы, японцы... С. 125.
43. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 737. Л. 3.
44. *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 197–198; *Дубинина Н.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 110–111.
45. *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских... С. 230, 245–246, 250.